

Романы
Ребекки Куанг

МАКОВЫЕ ВОЙНЫ

Опиумная война
Республика Дракон
Пылающий бог

Вавилон
Сокрытая история

Йеллоуфейс

REBECCA F. KUANG

YELLOWFACE

РЕБЕККА КУАНГ

ЙЕЛЛОУФЕЙС

FAN|ZON

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
К88

R. F. Kuang
YELLOWFACE

Copyright © 2023 by R.F. Kuang

Публикуется с разрешения автора и её литературных агентов —
Liza Dawson Associates, США,
при участии Агентства Александра Корженевского, Россия

Cover illustration by Nicolas Delort

Fanzon Publishers

An imprint of Eksmo Publishing House

Перевод *Александра Шабрина* под редакцией
Иты Куралесиной и Натальи Никитиной

Куанг, Ребекка.
К88 **Йеллоуфейс / Ребекка Куанг ; [перевод с английско-
го А. Шабрина]. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с.**
ISBN 978-5-04-213907-9

В ночь смерти Афины Лю, автора нескольких нашумевших бестселлеров, ее коллега Джун Хэйворд крадет из дома погибшей черновик романа и, доработав, выдает за свой. Деньги, почести, премии — восторг от собственного вознесения на писательский олимп кружит голову, ведь все, о чем грезила Джун, теперь сбывается на глазах, и никто никогда не узнает... Но на одной из встреч с читателями Джун видит то, чего не может быть. Это невозможно. Это противоречит здравому смыслу. Афина Лю жива? Или это ее мстительный призрак?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-213907-9

© А. Шабрин, перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Эрику и Жанетт

1

В ТУ НОЧЬ, КОГДА АФИНА ЛЮ УМИРАЕТ на моих глазах, мы отмечаем ее сделку с Нетфликсом.

Для начала, чтобы эта история имела какой-то смысл, об Афине нужно знать две вещи.

Во-первых, у нее было все: едва она отучилась, как заключила контракт с крупным издательством сразу на несколько книг, получила рекламу на одном раскрученном литературном сайте, анонсы сразу в нескольких престижных арт-резиденциях и список номинаций на премии длиннее, чем мой список покупок. В свои двадцать семь она уже опубликовала три романа (каждый следующий лучше и громче предыдущего). Сделка с Нетфликсом для нее — не что-то судьбоносное, а просто очередная победа, еще один трофей на пути к литературной славе, по которому она бодро зашагала после окончания вуза. Во-вторых, — возможно, как следствие первого, — у нее почти не было друзей. Писатели нашего возраста — молодые, ищущие, амбициозные, которым еще нет тридцати, — как правило, сбиваются в стайки. В соцсетях их полно, писатели восторгаются отрывками из неопубликованных рукописей друг друга («ПРО-

РЕБЕККА КУАНГ

СТО ОТВАЛ БАШКИ!»), визжат от радости при виде обложек («КРАСОТИЩА КАКАЯ!!!») и выкладывают селфи с профессиональных тусовок во всех частях света. А вот на снимках Афины в Инстаграме¹, как правило, не было никого, кроме нее самой. Она регулярно постила в Твиттере новости про работу и тонкие шутки для своих семидесяти тысяч подписчиков, но других людей тегала редко. Там не значилось имен, не было рекламы, не рекомендовались книги кого-то из коллег и вообще не выказывалось того публичного «чувства локтя», которое навязчиво демонстрируют молодые авторы. За все время, что мы знакомы, я никогда не слышала, чтобы она упоминала кого-нибудь из близких друзей, кроме меня.

Раньше я считала это обыкновенным зазнайством. Афина до нелепого успешна, так что ей, наверное, просто не хочется снисходить до простых смертных. Наверное, круг ее общения состоит исключительно из людей с синей галочкой в соцсетях, таких же, как она, авторов бестселлеров, которые делятся с ней своими тонкими наблюдениями по поводу современного общества. Дружить с пролетариями Афине попросту недосуг.

Однако в последние годы у меня сложилась другая теория, суть которой состоит в том, что все остальные точно так же, как и я, считают ее просто невыносимой. В самом деле, трудно дружить с человеком, который затмевает тебя на каждом шагу. Вероятно, никто больше не выносит Афины, потому что посто-

¹ Instagram, Facebook — проекты компании «Мета», признанной экстремистской в РФ.

ЙЕЛЛОУФЕЙС

янно ощущать себя ничтожеством на ее фоне очень трудно. Ну а я справляюсь, видимо, потому, что вот такая я жалкая.

В общем, тем вечером в шумном баре на крыше в Джорджтауне с Афиной сижу только я. Коктейли по заоблачным ценам Афина вливает в себя так, будто доказывает, что вечер удался, а я пью, душа в себе сучку, которая тихо желает Афине смерти.

СОШЛИСЬ МЫ С АФИНОЙ ТОЛЬКО БЛАГОДАРЯ обстоятельствам. На первом курсе мы жили на одном этаже в общежитии Йеля, а поскольку обе чувствовали в себе тягу к писательству с тех самых пор, как начали соображать, то и оказались на одних и тех же студенческих семинарах по писательскому мастерству. На заре творчества мы обе публиковали рассказы в одних и тех же журналах, а через несколько лет после университета переехали в один и тот же город. Афина сделала это ради престижной стипендии в Джорджтауне, факультетское начальство которого, по слухам, настолько впечатлилось гостевой лекцией, прочитанной ею в Американском университете, что специально для нее учредило должность преподавателя литературного мастерства на кафедре английского языка. Я переехала из-за того, что у маминой сестры в Рослине была квартирка, которую она мне сдала на условиях оплаты коммуналки — ну и в расчете, что я буду поливать ее цветы. Пресловутого «родства душ» у нас с Афиной не было, не связывала нас и условная глобокая травма. Просто мы всегда крутились в одних и тех же местах, занимались одними

РЕБЕККА КУАНГ

и теми же делами, так что дружелюбие у нас вошло в подобие привычки.

Но, хотя начали мы с одного и того же — с курсов по малой прозе профессора Наталии Гейнс, — после выпуска нас разметало, и траектории наших карьер оказались совершенно разными.

Свою первую книгу я написала в порыве вдохновения за год, спасаясь от невыносимой скуки, чем стало для меня преподавание в «Тич фо Америка»¹. Каждый день после работы я увлеченно сочиняла историю, которую хотела поведать с детства: подробный роман с элементами волшебства о взрослении и скорби, об утрате и сестринской связи, названный «Под сенью платана». Безуспешно обойдя с полсотни литературных агентов, я все же пристроила книгу в скромном издательстве «Эвермор» благодаря опен-коллау. Гонорар на тот момент казался мне фантастическим — аванс десять тысяч с роялти от последующих продаж; но это было до того, как я узнала, что Афина за свой дебютный роман в «Пингвин Рэндом Хаус» получила шестизначную сумму.

За три месяца до выхода моей книги «Эвермор» взял и схлопнулся. Права на книгу вернулись ко мне. Каким-то чудом литагент, подписавший со мной контракт после неудачи с «Эвермор», перепродал их одному из издательств «Большой пятерки» за аванс в двадцать тысяч долларов («недурная сделка» — мелькнуло в анонсе «Паблишерс Маркетплейс»). Казалось, я была близка к тому, что все мои мечта-

¹ Teach for America — некоммерческая организация выпускников-педагогов для преподавания в малообеспеченных районах США.

ЙЕЛЛОУФЕЙС

ния о славе и успехе вот-вот сбудутся — *«ну вот оно наконец»*. Однако ко дню выхода первый тираж моей книги вдруг урезали с десяти до пяти тысяч экземпляров, а рекламный тур по шести городам сократили до трех столичных пригородов; не было и обещанных отзывов от известных писателей. Допечатки я так и не дождалась. Всего разошлось две, от силы три тысячи экземпляров. Моего редактора сократили — так часто случается в издательствах во времена спадов. Меня передали какому-то Гаррету, который до этих пор проявлял к книге так мало интереса, что впору задаться вопросом, а не забыл ли он про меня вообще.

«Да это в порядке вещей», — внушали мне. Дермовый дебют, со всеми бывало. *«Ты же знаешь этих издателей»*. В Нью-Йорке кромешный хаос, все редакторы и рецензенты завалены работой и получают гроши, грызня идет повсеместно. Так что на другой стороне баррикад травка никак не зеленее. Каждый автор ненавидит свое издательство. Золушек с туфельками здесь не бывает — только тяжелый труд, упорство и неустанные попытки вытянуть тот самый счастливый билет.

Тогда как, объясните, у некоторых получается прославиться с первой же попытки? Еще за полгода до выхода дебютного романа Афины ее фотка в полстраницы уже красовалась в популярном профильном журнале под заголовком: *«Новая звезда литературы! Азиатская американка с книгами, которых нам не хватало!»* И вид у нее был секси. И контракт на издание в трех десятках стран уже имелся. Дебют Афины Лю прошел под сплошные фанфары критиков в таких изданиях, как «Таймс» и «Нью-Йоркер», а сама книга

РЕБЕККА КУАНГ

несколько недель продержалась во всех возможных топках бестселлеров. Премии, которые посыпались в следующем году, стали логичным продолжением. Дебют Афины — «Голос и эхо» (о юной американке китайского происхождения, способной вызывать призраков всех умерших женщин в ее роду) — был одним из тех редких романов, идеально балансирующих на грани между фантастикой и мейнстримом. За это Афину номинировали сразу на «Букер», «Небьюлу», «Хьюго» и «Всемирную премию фэнтези», из которых она заполучила две. Это было всего три года назад. А затем она опубликовала еще две книги, и критики сошлись во мнении, что ее произведения становятся все ярче и лучше.

Не то чтобы у Афины не было таланта. Она хорошая писательница — я прочла все ее работы, и я не настолько завидую, чтобы не признать, что пишет она хорошо. Однако совершенно очевидно: дело не в том, как Афина пишет. Дело в том, какая она сама. Проще говоря, Афина Лю обалденно крута. Уже само ее имя — Афина Лин Энь Лю — звучит классно. Молодцы мистер и миссис Лю, хорошо постарались: выбрали идеальное сочетание экзотики с классикой. Родившаяся в Гонконге, выросшая между Сиднеем и Нью-Йорком, образование Афина получила в британских пансионатах и поэтому говорила по-английски с шикарным иноземным акцентом. Высокая и тонкая, с грацией бывшей балерины, с кожей фарфорового цвета, с карими глазищами в опущке длинных ресниц — ну просто вылитая Энн Хэтэуэй, только на китайский манер (не считите меня за расистку, но как-то раз Афина опубликовала селфи с «Энни» на каком-то

ЙЕЛЛОУФЕЙС

светском рауте, на фото — распахнутые глаза этих трепетных ланей над простой, но броской подписью: «БЛИЗНЯШКИ!»).

Она невероятна, в самом буквальном смысле.

И, конечно же, достаивается самого лучшего; так уж устроена эта индустрия. Издательства выбирают победителя (достаточно привлекательного, харизматичного, молодого и — что уж, раз все об этом подумали, так давайте скажем — из «меньшинств»), и вкладывают в него свои деньги и ресурсы. Все это чертовски субъективно. Вернее, не субъективно, но все равно продиктовано факторами, которые не имеют ничего общего с качеством прозы. Афина — прекрасная, окончившая Йель, побывавшая во многих странах цветная женщина. Ходят слухи о ее принадлежности к квир-сообществу, и она выбрана сильными мира сего. А я лишь кареглазая шатенка Джун Хэйворд из Филадельфии, и не важно, с каким усердием и как хорошо я пишу, — Афиной Лю мне не быть никогда.

Казалось бы, к этому времени она должна улететь с моей орбиты. Однако мне по-прежнему продолжают приходить дружеские сообщения: «Ну что, как пишется?», «Успеваешь сделать дневную норму по словам?», «Удачи с дедлайном!». Бывают и приглашения: маргарита «счастливого часа» в «Эль Сентро», бранч в «Зайтиньи», поэтический слэм на Ю-стрит. У нас дружба того сорта, когда проводишь достаточно много времени вместе, но ничего по-настоящему друг о друге не узнаешь. Я до сих пор не знаю, есть ли у нее братья или сестры. А она никогда не спрашивала насчет моих парней. Но мы продолжаем тусо-

РЕБЕККА КУАНГ

ваться, потому что это удобно: обе живем в Вашингтоне, а чем старше становишься, тем сложнее заводить новых друзей.

Честно сказать, я не знаю, отчего нравлюсь Афине. При встрече она меня всегда обнимает. Минимум два раза в неделю лайкает мои посты в соцсетях. Где-то раз в пару месяцев мы идем выпить, причем по большей части приглашает она. Сама я понятия не имею, чем могу ей пригодиться, — у меня нет ни положения, ни популярности, ни связей, которые могли бы оправдать потраченное на меня время.

В глубине души я неизменно подозревала, что Афине во мне импонирует именно то, что я не могу с ней соперничать. Я понимаю ее мир, но не представляю угрозы, а ее достижения для меня настолько недостижимы, что ей не стыдно бахвалиться передо мной своими победами. Хотя кому из нас не хотелось бы иметь друга, который никогда не станет оспаривать наше превосходство, потому что заведомо знает, что это безнадежно? Разве мы все не нуждаемся в ком-то, к кому можно относиться как к боксерской груше?

— НЕ НАСТОЛЬКО ЖЕ ВСЕ ПЛОХО, — УВЕЩЕВАЕТ меня Афина. — Уверена, они всего лишь имели в виду, что тираж в мягкой обложке отложили на пару месяцев.

— Не отложили, — уныло поправляю я, — а отменили. Бретт сказал, что они просто... не сумели найти под него место в графике публикаций.

Афина поглаживает меня по плечу.

— Да ты не переживай. За твердую обложку роял-

ЙЕЛЛОУФЕЙС

ти больше! Значит, ты и получишь больше. Нет худа без добра, верно?

«Смелое, однако, предположение, что я вообще что-нибудь получу».

Вслух я этого не произношу. От намеков на бестактность Афина может впасть в бурные извинения, реагировать на которые для меня труднее, чем просто проглотить сарказм.

Мы на крыше бара «Грэхэмс», любимся с диванчика закатом. Афина допивает второй виски сауэр, а я — третий пино-нуар. Как-то незаметно мы переходим на нудноватую тему моих проблем с издателем, о чем я глубоко сожалею, так как от любой попытки Афины утешить или дать совет становится только больнее.

— Гаррета я злить не хочу, — говорю я. — Но, честно сказать, мне кажется, ему просто не терпится отказаться от этого варианта и избавиться от меня.

— Ой, ну не хорони себя раньше времени, — говорит Афина. — В конце концов, приобрел же он твой дебют?

— Да нет, не совсем, — вздыхаю я.

Я вынуждена напоминать Афине об этом каждый раз. Когда дело доходит до моих проблем, в ее памяти ничего не держится — приходится повторять по два-три раза, чтобы что-нибудь закрепилось.

— Того редактора, который покупал права, уволили, и дела перешли к Гаррету, но каждый раз, когда мы разговариваем, у меня ощущение, что ему все фиолетово.

— Ну и пошел он, — бодро напутствует Афина. — Еще по одной?